

А.М. Илюшин*, С.С. Онищенко**

*Кузбасский государственный технический университет
ул. Весенняя, 28, Кемерово, 650000, Россия
E-mail: ilushin1963@mail.ru

**Кемеровский государственный университет
ул. Красная, 6, Кемерово, 650043, Россия
E-mail: bios@kemsu.ru

О РЕЗУЛЬТАТАХ ИССЛЕДОВАНИЯ ЖИЛИЩА КОЧЕВНИКОВ РАЗВИТОГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ КУЗНЕЦКОЙ КОТЛОВИНЫ

В широкий научный оборот вводится информация о результатах полевых исследований Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедицией жилища 3 в раскопе № 5 на комплексе археологических памятников Торопово-7 в Касьминском археологическом микрорайоне на территории Кузнецкой котловины в Ленинск-Кузнецком районе Кемеровской области. Материалы этих раскопок подвергнуты археологическому и зооархеологическому исследованию. Новая информация призвана пополнить копилку археологических источников по истории и культуре периода развитого средневековья Кузнецкой котловины. Цель настоящей публикации — представить результаты раскопок уникального по конструкции и совокупности артефактов жилища и проанализировать выявленные в нем археологические и зооархеологические материалы для определения датировки объекта и мясного рациона питания его обитателей. Использовались описательный, сравнительный и статистический методы анализа вещественных источников. Раскопанное жилище охарактеризовано как полуземлянка, состоящая из наземной конструкции и земляного котлована, которая могла использоваться зимой и функционировать круглый год. По аналогиям артефактам исследованное жилище было датировано периодом развитого средневековья (XI–XIV вв. н.э.) и отнесено к шандинской археологической культуре, оставленной тюркоязычными кочевниками Восточного Дагш-и-Кипчак на территории Кузнецкой котловины. О принадлежности жилища кочевникам свидетельствуют результаты зооархеологического анализа остеологических материалов из хозяйственных ям 1 и 2 в жилище 3, среди которых преобладают остатки лошадей (более 80 %). Сделан вывод, что жилище 3 в раскопе № 5 на комплексе археологических памятников Торопово-7 конструктивно представляет собой полуземлянное жилое помещение площадью порядка 34 м², приспособленное для проживания в зимний период одной семьи, использовавшееся в XI–XIV вв. носителями тюркских кочевых культурных традиций, в основе повседневного рациона питания которых была конина.

Ключевые слова: Кузнецкая котловина, памятник, жилище, артефакты, керамика, орнаментация, зооархеологический анализ материалов.

DOI: 10.20874/2071-0437-2016-32-1-055-065

По программе исследования Касьминского археологического микрорайона ККАЭЭ ГНЦ КузГТУ с 2008 г. проводит полевые работы на комплексе археологических памятников Торопово-7 [Илюшин, 2009; 2013а, б; 2014; Илюшин, Борисов, 2014; Илюшин, Бутьян, 2011; Илюшин и др., 2008, 2012; 2014а, б; и др.]. Этот археологический памятник располагается в долине среднего течения р. Касьма, протекающей в западной части Кузнецкой котловины и являющейся левым притоком р. Иня в ее среднем течении. При проведении полевых работ на раскопе № 5 в западной части памятника было изучено уникальное по конструкции жилище 3 развитого средневековья, в котором имелись две грунтовые хозяйственные ямы, заполненные костными останками съеденных животных и единичными артефактами. Цель настоящей работы — представить результаты раскопок этого жилища и проанализировать его археологические и зооархеологические материалы для определения датировки объекта и мясного рациона его обитателей.

До начала полевых исследований жилище 3 представляло собой сильно задернованный подчетыреугольный котлован размерами 4,3×4,3×0,25 м, ориентированный стенками по сторонам света с небольшим смещением. В центре западины были зафиксированы следы шурфа четырёхугольной формы размером 0,7×0,7 м и глубиной 0,1 м. В процессе исследований на этом, восточном участке раскопа № 5 был выявлен культурный слой и котлован жилища, в которых найдены фрагменты керамической посуды, каменный скребок и костяная проколка (рис. 1, 2).

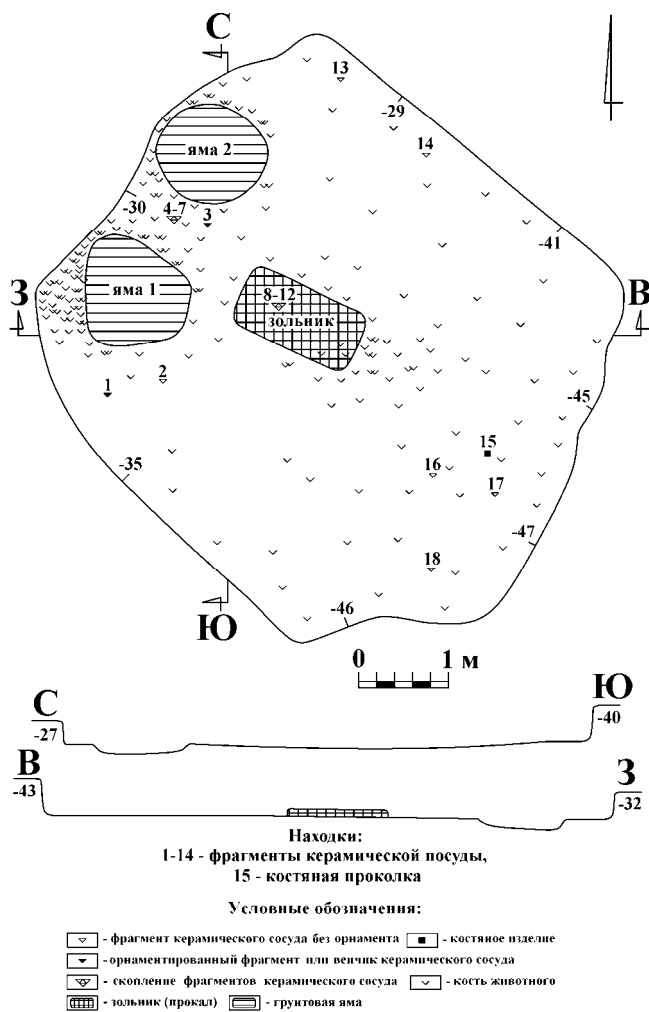

Рис. 1. Поселение Торопово-7. Раскоп № 5. План и разрезы жилища 3.

Жилище 3 представляло собой земляной котлован неправильной подчетырехугольной формы с заваленными углами, ориентированный длинной осью по линии СЗ–ЮВ, а углами по сторонам света. Размеры конструкции 6,19×5,48 м, площадь около 34 м². Котлован углублен в слой материковой глины на 0,27–0,47 м. Перепад глубины котлована связан с необходимостью выравнивания пола, так как жилище располагалось на наклонной поверхности. При исследовании заполнения котлована и зачистки пола в сооружении были выявлены очаг и две грунтовые хозяйственные ямы, а также 183 кости животных (целые и фрагменты), основная масса которых находилась в западной и северо-западной части близ хозяйственных ям, а также в центре у очага. Были найдены 14 фрагментов керамических сосудов (из них два венчика) и костяная проколка, которые располагались по периметру котлована (рис. 1; 2, 10–12).

Яма 1 располагалась в западной части котлована у северо-западной стенки (рис. 1) и представляла собой овальную грунтовую яму неправильной формы, длинной осью вытянутую по линии ССЗ–ЮЮВ. Ее размеры 1,39×1,24 м, глубина 0,17 м. Заполнение ямы представляло собой темно-серую сажистую супесь со следами присутствия золы и многочисленных костей животных (целых и во фрагментах). При разборке заполнения и зачистке в яме были найдены 6 неорнаментированных фрагментов тулова керамического сосуда, 12 зубов, а также фрагменты 4 черепов, 11 челюстей и 175 костей животных (рис. 3). Практически все артефакты были подвержены воздействию огня.

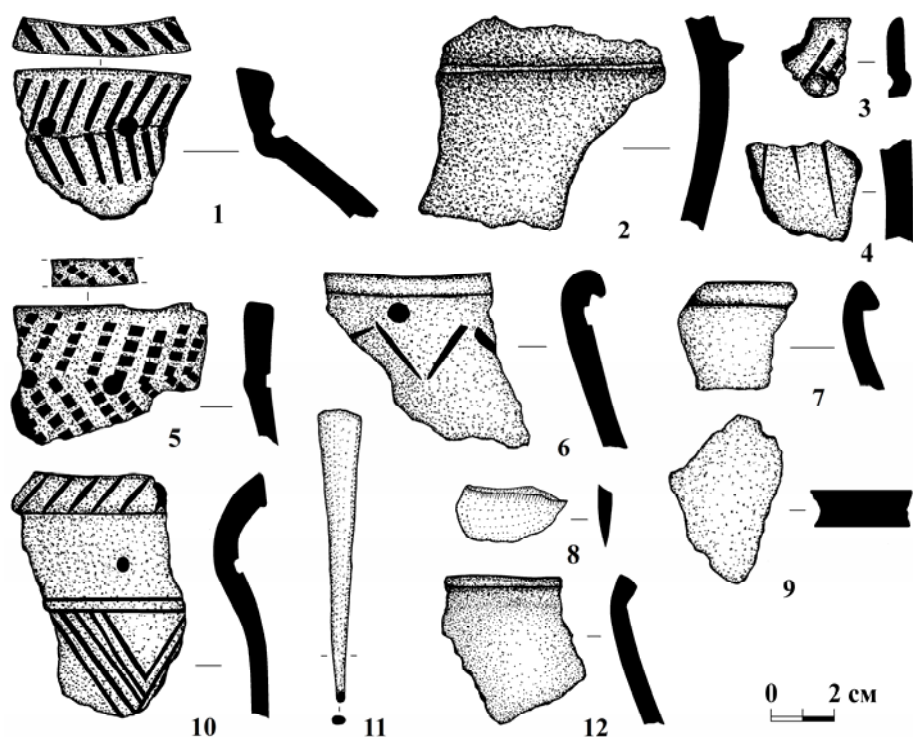

Рис. 2. Поселение Торопово-7. Раскоп № 5.

Находки из культурного слоя (1–9) и котлована (10–12) жилища 3:

1–7, 9, 10, 12 — фрагменты керамической посуды; 8 — каменный скребок, 11 — костяная проколка.

Яма 2 располагалась в северо-западной части котлована у северо-западной стенки (рис. 1) и представляла собой овальную яму, длинной осью вытянутую по линии 3–В. Ее размеры 1,27×1,15 м, глубина 0,12 м. Заполнение ямы представляло собой темно-серую сажистую супесь со следами присутствия золы и многочисленных костей животных (целых и во фрагментах). При разборке заполнения и зачистке в яме были найдены 3 неорнаментированных фрагмента тулова керамического сосуда, массивный фрагмент каменной зернотерки, игральная кость (альчик), 7 зубов, а также фрагменты 3 черепов, 8 челюстей и 53 костей животных (рис. 3; 4, 1, 2). Практически все артефакты были подвержены воздействию огня.

В центральной части жилищного котлована зафиксирован очаг в виде зольника и прокаленного пола под ним. Зольник выделялся серо-белым цветом, имел правильную удлиненно-четырехугольную форму с заоваленными углами размером 1,45×0,74×0,1 м и был ориентирован длинной осью по линии С3–ЮВ. В зольнике были найдены 3 фрагмента костей животных и 5 неорнаментированных фрагментов тулова керамического сосуда, подверженные воздействию огня (рис. 1).

Выявленные артефакты и сооружения позволяют характеризовать раскопанное жилище как полуземлянку, состоящую из наземной конструкции и земляного котлована. В котловане и вблизи него ямок не было. Вероятно, наземная конструкция была установлена на древнюю дневную поверхность, на которой и была закреплена, а котлован сооружен внутри жилого пространства до уровня непромерзания почвы. Последнее указывает на стационарный характер исследованного жилища, которое использовалось зимой и могло функционировать круглый год. В пользу зимнего использования жилища свидетельствуют грунтовые хозяйственные ямы, выполнявшие функции мусорных резервуаров, и большой очаг, необходимый для обогрева всей площади жилища. Геометрически правильная форма очага предполагает наличие конструкции или сооружения в виде печи или обкладки, но в процессе раскопок они обнаружены не были. Не фиксировался и вход в жилище. Можно предполагать, что он находился в центре северо-западной стенки, по которой отмечены самые низкие показатели глубины котлована, между примыкающими к ней хозяйственными ямами (рис. 1).

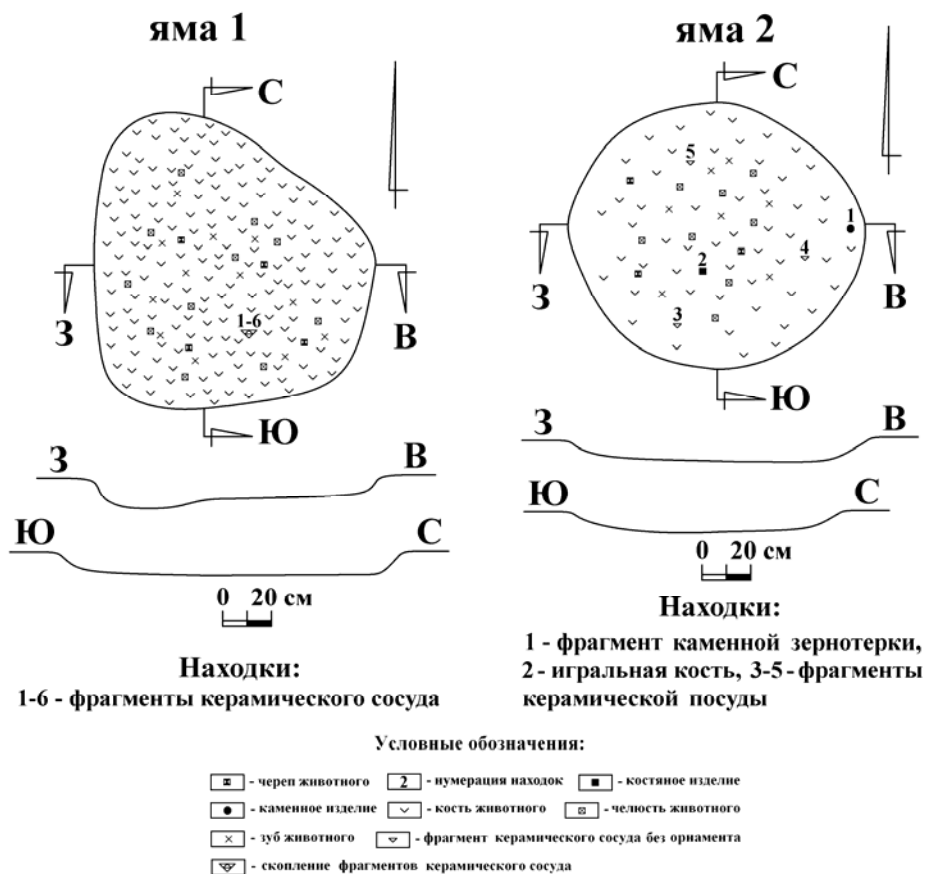

Рис. 3. Поселение Торопово-7. Раскоп № 5. Планы и разрезы грунтовых ям 1 и 2 в котловане жилища 3.

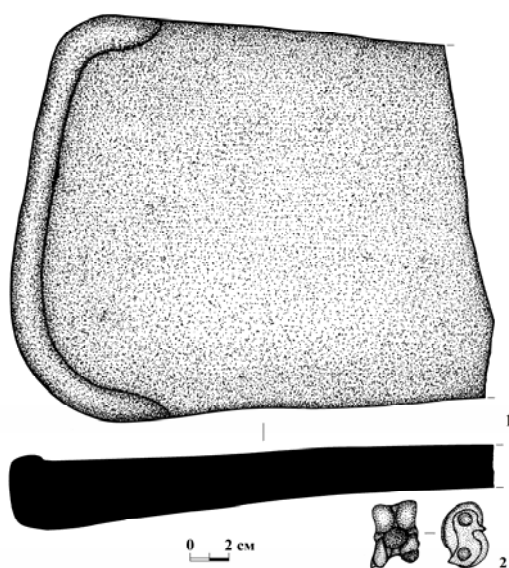

Рис. 4. Поселение Торопово-7. Раскоп № 5. Находки из грунтовой ямы 2 в котловане жилища 3: 1 — фрагмент каменной зернотерки; 2 — игральная кость (альчик).

До исследования описанного жилища материалы из раскопов №№ 1–5 на Торопово-7 датировались двумя периодами — поздней бронзы и развитого средневековья и были отнесены к

О результатах исследования жилища кочевников развитого средневековья Кузнецкой котловины

ирменской IX–VII вв. до н.э. и шандинской XI–XIV вв. н.э. археологическим культурам [Илюшин, 2010, с. 17–25; 2013а, b; 2013с, с. 27–28; 2014; Илюшин и др., 2012, 2014а]. Комплекс предметов, найденный в культурном слое и котловане жилища 3 на раскопе № 5 (рис. 2, 1–12; 4, 1, 2), имеет аналогии в культуре кыпчакского населения развитого средневековья Кузнецкой котловины и сопредельных территорий. Фрагменты керамической посуды принадлежат как минимум девяти разным по форме и орнаментации сосудам. Среди них можно выделить набор признаков: срезы венчиков обращены наружу (рис. 2, 6, 7, 10, 12); по венчику нанесены гладкие наклонные насечки или отпечатки гребенчатого штампа (рис. 2, 1, 5, 10); под венчиком в зоне шейки нанесены ямки (рис. 2, 1, 5, 6, 10). В разных комбинациях эти признаки характерны для керамической посуды начала II тыс. н.э. и развитого средневековья Верхнего Приобья [Адамов, 2000, с. 29–37; рис. 108; 109; Илюшин, 2005, табл. 9, 100–103, 106–112; 10, 25–35; 16, 65, 66; Плетнева, 1997, с. 104–107; Ширин, 1992; 2004, с. 86, рис. 4–6; и др.]. Найденный фрагмент дна сосуда (рис. 2, 9) свидетельствует о его плоскодонности, что было характерно для тюркской традиции изготовления керамической посуды [Арсланова, 1963, табл. III; 1983, с. 99; Кызласов, 1969, с. 38; Молодин и др., 1988, с. 59]. Некоторые фрагменты керамических сосудов из жилища (рис. 2, 5, 7, 12) по форме венчиков и орнаментальной композиции имеют аналогии на погребальных памятниках Сапогово-2 (XI–XII вв. н.э.), Мусохраново-1 (XII–XIII вв. н.э.) и Торопово-1 (XIII–XIV вв. н.э.), исследованных в долине р. Касьма [Илюшин, 1997, с. 56, рис. 22, 8; 23, 1, 4; 1999, с. 68, рис. 44, 1, 4; Илюшин, Бутьян, 2010, рис. 5, 1]. Один из них (рис. 2, 5) имеет близкий аналог на городище Городок, датированном в широком диапазоне первой половиной II тыс. н.э., а более узко X–XII вв. н.э. [Ширин, 2004, с. 98–99, рис. 6, 4, 6]. На этом же памятнике была найдена керамическая посуда с горизонтальными сформированными валиками на уровне плечика [Ширин, 2004, с. 90, рис. 6, 1, 3], как на одном из фрагментов, обнаруженных в жилище 3 (рис. 2, 2). Фрагмент каменной зернотерки из ямы 2 (рис. 4, 1) имеет аналогии в материалах развитого средневековья на памятниках Торопово-4 и Торопово-7 в долине р. Касьма [Илюшин, Ковалевский, 2012, с. 85, рис. 57, 6; Илюшин и др., 2014а, рис. 3, 1]. На территории Кузнецкой котловины зернотерка была найдена в элитном кургане начала II тыс. н.э. на могильнике Калтышино I, включаемом в круг восточно-кыпчакских древностей [Савинов, 1997, рис. 7, 6]. Аналогии позволяют широко датировать исследованное жилище периодом развитого средневековья (XI–XIV вв. н.э.) и отнести его к шандинской археологической культуре [Илюшин, 2005, с. 120–125], оставленной тюркоязычными кочевниками Восточного Дашт-и-Кипчак на территории Кузнецкой котловины.

В пользу принадлежности жилища кочевникам свидетельствуют результаты зооархеологического анализа остеологических материалов из хозяйственных ям 1 и 2 в жилище 3 (рис. 1, 3), впервые выполненного на объектах шандинской культуры. Последнее представляется очень важным для определения рациона мясного питания и характера хозяйственной деятельности населения, соорудившего исследуемое жилище.

При обработке материалов использовался стандартный алгоритм зооархеологического анализа [Davis, 2002; O'Connor, 2004; Reitz, Wing, 2008], включавший следующие процедуры. Исходя из состояния материала идентификация образцов осуществлялась до вида или размерно-видовых (в случае морфологически сложных для определения до вида элементов скелета) групп с использованием специализированных руководств, анатомических атласов и эталонных коллекций [Громова, 1950а, b; Громова, 1960; Зеленовский, Зеленовский, 2014; France, 2009]. С целью изучения процессов формирования остеологического комплекса регистрировались следы тафономических процессов (физико-химического разрушения, трещиноватости, расслоений, погрызов и др.) и искусственных трансформаций, связанных с воздействием огня, режущих и рубящих орудий, иной механической обработки. Для каждого образца определялась анатомическая локализация с уточнением для парных структур стороны их расположения, что было необходимо для расчета минимального количества забитых животных, а также степени утилизации их туш в данном жилище. С целью выявления степени фрагментации материала и характера расчленения туш животных у каждого фрагмента кости измерялась длина. При наличии у исследованных образцов возрастных признаков определялся относительный или абсолютный возраст забитых животных. Молодых и взрослых животных вне зависимости от видовой принадлежности разделяли по трубчатым костям по степени срастания эпифизов и диафизов, по фрагментам черепа по наличию швов между костями. Абсолютный возраст лошадей устанавливался по особенностям развития зубной системы [Зеленовский, 2001]. Принадлежность исследуемого образца к определенной возрастной категории также учитывалась при расчете

минимального количества забитых животных. Кроме того, для лошадей с учетом методических рекомендаций и на основании усредненных пересчетных коэффициентов по В. Громовой [1949а, б] определялся ряд экологоморфологических характеристик (вероятный рост в холке, тип конституции животного и др.).

Остеологическая коллекция из хозяйственных ям включает 228 фрагментов и целых костей и зубов (табл.) четырех видов животных — лося (*Alces alces*), лошади (*Equus caballus*), овцы домашней (*Ovis aries*) и зайца-беляка (*Lepus timidus*). В видовой структуре зооархеологического комплекса преобладают остатки лошадей, на долю которых приходится более 80 %. Остатки скелетов других видов немногочисленны. Исходя из размерно-анатомических особенностей около 8 % находок были отнесены к укрупненным идентификационным группам видов. Одна группа объединяет фрагменты мономорфных и трудно идентифицируемых частей трубчатых костей (обломки диафизов и суставных блоков) крупных копытных (группа *Alces/Equus*). В другую группу, средних по размерам животных, были включены фрагмент диафиза трубчатой кости (диаметром около 1,5 см) и несколько небольших поврежденных ювенильных поясничных позвонков. Из-за отсутствия видоспецифических особенностей у этих образцов и незаконченности процессов оссификации у части из них определить их видовую принадлежность не представляется возможным.

Видовая и анатомическая структура зооархеологического материала из хозяйственных ям жилища 3 в раскопе № 5 на комплексе археологических памятников Торопово-7

Часть скелета	Общее количество образцов (левые/правые/неопределенные)						Всего, экз.	Доля, %
	<i>A. alces</i>	<i>E. caballus</i>	<i>Alces/Equus</i>	<i>L. timidus</i>	<i>O. aries</i>	Средние по размерам животные		
Череп								
Мозговой	—	6	—	1	—	—	7	3,07
Зубная кость	—	14 (2/10/2)	—	—	—	—	19	6,14
Нижняя челюсть	—	5	—	—	—	—	5	1,74
Зубы	—	19 (9/7/3)	—	—	—	—	19	8,33
Кости конечностей и их элементы								
Фаланга 1	2	2	—	3	—	—	7	3,07
Фаланга 2	2	1	—	1	—	—	4	1,75
Фаланга 3	—	6	—	—	—	—	6	2,63
Метакарпalia	—	7 (3/4/0)	—	—	—	—	7	3,07
Метатарзalia	1 (0/0/1)	6 (4/1/1)	—	—	—	—	7	3,07
Метаподия	—	7	—	—	—	—	7	3,07
Запястья и заплюсны	—	4	—	—	—	—	4	1,75
Таранная	—	1 (1/0/0)	—	—	—	—	1	0,44
Пяточная	2 (0/1/1)	1 (1/0/0)	—	—	—	—	3	1,32
Плечевая	—	1 (1/0/0)	—	2 (0/1/1)	1 (1/0/0)	—	4	1,75
Лучевая	—	—	—	1 (1/0/0)	—	—	1	0,44
Лопатка	—	3 (1/2/0)	—	—	—	—	3	1,32
Бедренная	—	1 (0/0/1)	1 (0/1/0)	—	—	—	2	0,88
Большеберцовая	—	10 (7/3/0)	1 (0/1/0)	—	—	—	11	4,82
Диафизы и эпифизы	—	—	7	—	—	1	8	3,51
Элементы осевого скелета								
Позвонки	3	23	5	—	—	3	34	14,91
Ребра	2 (1/1/0)	70 (25/13/32)	—	2 (0/0/2)	—	—	74	32,46
Итого	13	186	14	10	1	4	228	
Доля, %	5,3	82,6	6,1	4,4	0,4	1,8		100,0

Наиболее анатомически разнообразные останки лошадей относятся почти ко всем отделам скелета. Среди них самые многочисленные — фрагменты костей черепа и зубов, осевого скелета (ребра и позвонки) животных. Обращает на себя внимание, что по отдельным структурам скелета, представленным массовым материалом, наблюдается выраженная асимметрия по количеству право- и левосторонних элементов. Так, черепа и нижние челюсти представлены в основном фрагментами с правой стороны, ребра и элементы задней конечности в подавляющем большинстве левые. Подобная ситуация могла возникнуть или вследствие выноса части костей за границы жилища (при уборке) после употребления мяса в пищу, или из-за того, что

О результатах исследования жилища кочевников развитого средневековья Кузнецкой котловины

после разделки туши забитого животного в жилище попадала только ее часть (левая или правая), а часть могла отдаваться другим соплеменникам.

Основная масса костей представлена крупными фрагментами по отношению к элементам скелета, к которым они относятся. Так, в среднем фрагменты ребер крупных копытных имеют длину 150 мм (min — 46, max — 334), т.е. они расчленились на две или, реже, три части. Длина фрагментов большеберцовых костей лошади 175 мм (min — 69, max — 267), метаподий — 142 мм (min — 87, max — 225), т.е. они разделялись на две неравнозначные части, одна из которых имела около 2/3 длины кости. Часть метаподий раскалывалась по продольной оси.

По наличию в массе относительно крупных фрагментов костей можно предполагать, что большая часть из них образовалась при разделке туш животных во время забоя. Так, нижние челюсти разделялись по месту срастания левой и правой половин, позади резцов одной из них или по восходящей ветви, в результате чего они представлены крупными фрагментами нисходящих ветвей челюсти. Небольшая доля элементов мозгового черепа позволяет считать, что нижние челюсти преднамеренно отделялись от черепа, который чаще всего оставался вне жилища или выносился из него.

Судя по состоянию отдельных позвонков разных отделов, позвоночник перерубался на участки от 1–2 до нескольких позвонков, с разрушением суставных поверхностей позвонков, остистых отростков грудных и поясничных позвонков или шеек ребер. Грудная клетка расчленилась по грудице или дорзальнее. На некоторых вентральных частях ребер имеются следы ровных срезов, оставшихся от режуще-рубящего орудия. Отделение ребер от позвонков происходило с сохранением у большей части из них головок ребер, что свидетельствует об ином характере манипуляций с позвонками и прилегающими к ним частями ребер.

Трубчатых костей и их остатков немного. От копытных это крупные и продольно колотые фрагменты диафизов, продольно колотые метаподии или половины костей без дистальных или, чаще, проксимальных частей. Целыми остались фаланги конечностей. Среди остатков элементов конечностей наиболее массовыми являются фрагменты дистальных частей большеберцовых костей, метаподии целые и во фрагментах. Состояние всей совокупности образцов позволяет считать, что конечности расчленились в нескольких местах, по запястному и скакательному суставу (с разрушением таранной и пяточной кости), задняя конечность — ниже коленного сустава, по верхней трети большеберцовой кости. По единичным фрагментам дистальных частей плечевой и бедренной костей, лопатки пока невозможно сделать вывод о характере разделки этих участков конечностей лошадей. Однако наличие дистальной половины плечевой кости и шейки лопатки говорит, что расчленение передней конечности проводилось также не по суставам, а по диафизам. Продольное раскалывание костей, вероятно, осуществлялось при приготовлении кусков мяса или во время трапезы.

Следы глубоких тафономических модификаций образцов в виде растрескивания стенок плоских и трубчатых костей, расслоений компактного слоя, выкрашивания губчатого вещества крайне редки, что свидетельствует о слабо выраженных процессах саморазрушения захороненных в яме остатков с образованием дополнительных фрагментов. Следы надрезов, мелких зарубок или сколов на поверхностях костей, которые остаются от режущих или рубящих предметов, применявшихся при разделке туш и/или трапезе, имелись только у 10 образцов. Следов погрызов хищных животных (собак) не обнаружено.

Около 10 % образцов (23 экз.) частично или полностью были обожжены до черного цвета, часть обломков зубов деформировались при сжигании челюстей. В подавляющем большинстве это фрагменты нижних челюстей, верхних и нижних зубов лошадей (13 экз.). Следы воздействия огня также имели несколько обломков костей дистальных частей конечностей лошади и лося (астралгал, копытная кость, диафиз метаподии, венечная и путовая кости). Цвет, наличие только отдельных отожженных участков и характер деформации зубов показывают, что сгорание происходило при низкотемпературном режиме в условиях недостатка кислорода, при этом сами образцы были сырыми или неочищенными от мягкой органики [Добровольская, 2010; Гомаа, 2010]. Подобная ситуация позволяет считать, что черепа или их части, а также дистальные элементы конечностей, которые имеют низкую пищевую ценность, после разделки туши бросались в очаг на фазе затухания огня или на тлеющие угли либо находились под слоем последних.

С учетом анатомической локализации и возрастных особенностей образцов было определено минимальное количество забитых животных по видам. Так, от лося были найдены в основном элементы дистальных частей задних конечностей и обломки двух ребер. Овца домаш-

няя представлена одним идентифицированным до вида фрагментом проксимальной части плечевой кости. Эпифиз и диафиз кости был сросшийся, что наблюдается у овец старше 4 лет [Zeder, 2006]. Такой состав находок позволяет считать, что в жилище была утилизирована только часть туш одного лося и одной овцы. Более разнообразны находки костей зайца-беляка: они представлены фрагментами черепа, костями конечностей и ребрами, принадлежали одной особи, которая была целиком съедена обитателями жилища.

Расчет минимального количества забитых лошадей с учетом возрастных критериев по разным группам костей дал следующие результаты: мозговой череп — не менее 2 особей, большеберцовая кость — 5–7 особей, метакарпалии и метатарзалии — не менее 4 особей, нижние челюсти — 7 особей. По особенностям формирования зубной системы лошадей выявлено, что одно животное было в возрасте не более 6–9 мес., у трех особей возраст не превышал 2,5–4 лет и три особи были старше 4–5 лет. Полученные данные по возрастному составу забитых лошадей пока не позволяют делать выводы о возрастной структуре всего поголовья, так как забой на мясо взрослых животных может быть связан с выборочной выбраковкой ослабленных особей, относящихся к репродуктивной части стада.

Имеющиеся целые кости (зубная, метатарзалия, путовые и копытные) позволили дать ориентировочную экологоморфологическую характеристику лошадей, которых содержало население. По возрастным особенностям зубная кость принадлежала животному старше 5 лет, трубчатые кости были сформированными (имели сросшиеся эпифизы и диафизы). Судя по зубной кости, длиной по основанию 400 мм, лошадь имела череп длиной основания 473 мм. Если брать за основу реконструированную длину черепа, то рост в холке животного составлял 1,42 м. По двум метакарпалиям, имеющим длину 209 и 220 мм, были получены следующие значения роста лошадей — 1,34 и 1,41 м; по метатарзалии (длина 260 мм) рост животного был 1,38 м. В совокупности полученные морфометрические значения характерны для средних (ближе к мелким) лошадей высотой в холке 1,38–1,48 м. При реконструкции конституции использовались пропорции метакарпалей и метатарзалии. Так, соотношение ширины верхних и нижних частей двух метакарпалей было соответственно 19,1 и 21,4 %, 22 и 23 %, метатарзалии — 18 и 18,8 %. Исходя из этого забитых лошадей можно отнести к среднегим, которым свойственно передвигаться медленным аллюром. По отношению ширины к длине четырех передних копытных костей, значения которых варьировались от 109 до 124 %, лошади относятся к группе животных с копытами средней ширины. Относительная ширина копыт свидетельствует, что формирование животных происходило в условиях чересполосицы мягких и твердых грунтов, обычных для Кузнецкой степи.

Подводя итоги исследования, можно констатировать, что жилище 3 в раскопе № 5 на комплексе археологических памятников Торопово-7 конструктивно представляет собой полуземляное жилое помещение площадью около 34 м², приспособленное для проживания в зимний период одной семьи. Жилище можно датировать в широких пределах XI–XIV вв. Оно использовалось населением — носителями тюркских кочевых культурных традиций, входившим в этнополитическое объединение Восточный Дашт-и-Кипчак. Особенности видовой структуры зооархеологического комплекса показывают, что основу повседневного рациона составляла конина. Остальные виды в питании играли второстепенную роль. Редкость образцов скелета овец связана с тем, что для населения Кузнецкой котловины, по материалам зооархеологически изученных верхнеобских и сrostкинских памятников (конец IX — первая половина XI в. н.э.), содержание мелкорогатого скота не являлось характерной особенностью [Бобров и др., 2010; Васютин А. С., Васютин С.А., Онищенко, 2012]. Незначительное количество остатков лося и зайца-беляка свидетельствует, что охота на мясных животных носила нерегулярный характер.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Адамов А.А. Новосибирское Приобье в X–XIV вв. Тобольск; Омск, 2000. 256 с.
Арсланова Ф.Х. Бобровский могильник // Изв. АН КазССР. Алма-Ата, 1963. Вып. 4. С. 68–84.
Арсланова Ф.Х. К вопросу о связях племен Павлодарского Прииртышья с населением Западной Сибири (VII–XI вв.) // Этнокультурные процессы в Западной Сибири. Томск: Изд-во ТГУ, 1983. С. 105–107.
Бобров В.В., Васютин А.С., Онищенко С.С. Вагановский курганный некрополь IX в. н.э. в Присалаирье. Кемерово: ИНТ, 2010. 276 с.
Васютин А.С., Васютин С.А., Онищенко С.С. Калтышинский археологический микрорайон в конце VIII — XI вв. н.э.: Природа и культура (степное Присалаирье). Кемерово: ОФСЕТ, 2012. 213 с.

О результатах исследования жилища кочевников развитого средневековья Кузнецкой котловины

- Громова В.* История лошадей (рода Equus) в Старом Свете. Ч. 1: Обзор и описание форм // Тр. Палеонтол. ин-та. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949а. Т. XVII. Вып. 1. 374 с.
- Громова В.* История лошадей (рода Equus) в Старом Свете. Ч. 2: Эволюция и классификация рода // Тр. Палеонтол. ин-та. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949б. Т. XVII. Вып. 2. 164 с.
- Громова В.И.* Определитель млекопитающих СССР по костям скелета. Вып. 1: Определитель по крупным трубчатым костям. А. Текст. М.; Л., 1950а. 240 с.
- Громова В.И.* Определитель млекопитающих СССР по костям скелета. Вып. 1: Определитель по крупным трубчатым костям. Б. Альбом рисунков. М.; Л., 1950б. 108 с.
- Громова В.* Определитель млекопитающих СССР по костям скелета. Вып. 2: Определитель по крупным костям заплюсны. М.: Изд-во АН СССР, 1960. 118 с.
- Добровольская М.В.* К методике изучения материалов кремации // КСИА: Антропологические исследования. 2010. Вып. 224. С. 85–97
- Зеленевский Н.В., Зеленевский К.Н.* Анатомия животных. СПб.: Лань, 2014. 848 с.
- Зеленевский Н.В., Соколов В.И.* Клиническая анатомия лошади. СПб.: ГИОРД, 2001. 408 с.
- Илюшин А.М.* Этнокультурная история Кузнецкой котловины в эпоху средневековья. Кемерово, 2005. 240 с.
- Илюшин А.М.* Курган-кладбище в долине р. Касьмы как источник по средневековой истории Кузнецкой котловины. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1997. 119 с.
- Илюшин А.М.* Население Кузнецкой котловины в период развитого средневековья (по материалам раскопок курганного могильника Торопово-1). Кемерово: Изд-во КузГТУ, 1999. 208 с.
- Илюшин А.М.* Исследование Касьминского археологического микрорайона в практике Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции // Археологические микрорайоны северной Евразии: Материалы науч. конф. Омск: Апельсин, 2009. С. 50–54.
- Илюшин А.М.* Отчет об археологических раскопках Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции в 2009 году. Кемерово, 2010. 156 с.
- Илюшин А.М.* Касьминский археологический микрорайон и результаты раскопок на Торопово-7 // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края: Материалы XVIII и XIX регион. науч.-практ. конф. Барнаул: АЗБУКА, 2013а. С. 137–142.
- Илюшин А.М.* Семейные святилища у восточных кыпчаков (по материалам исследований Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции в 2011 году) // Казахстан и Россия: Научное и культурное взаимодействие и сотрудничество. Астана; Омск: Enter Group, 2013б. С. 127–136.
- Илюшин А.М.* Отчет об археологических раскопках Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции в 2012 году на поселении Торопово-7 в Ленинск-Кузнецком районе Кемеровской области. Кемерово, 2013с. 146 с.
- Илюшин А.М.* Исследование семейных культовых площадок восточных кыпчаков на Торопово-7 в Кузнецкой котловине // Полевые исследования в Верхнем Приобье, Прииртышье и на Алтае. 2013 г.: Археология, этнография, устная история. Вып. 9: Материалы IX междунар. науч.-практ. конф. Павлодар: ПГПИ, 2014. С. 64–69.
- Илюшин А.М., Борисов В.А.* Средневековое жилище на комплексе археологических памятников Торопово-7 // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2014. Вып. XX. С. 100–105.
- Илюшин А.М., Борисов В.А., Бутьян В.А.* Исследования Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции в 2011 году // Вестн. КузГТУ. 2012. № 2. С. 142–152.
- Илюшин А.М., Борисов В.А., Бутьян В.А.* Полевые исследования Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции в 2012 году // Вестн. КузГТУ. 2014а. № 1. С. 149–160.
- Илюшин А.М., Борисов В.А., Бутьян В.А.* Полевые исследования Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции в 2013 году // Вестн. КузГТУ. 2014б. № 6. С. 145–148.
- Илюшин А.М., Бутьян В.А.* Раскопки Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции 2009 года на курганной группе Мусохраново-1 // Вестн. КузГТУ. 2010. № 4. С. 175–184.
- Илюшин А.М., Бутьян В.А.* Исследования Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции в 2010 году // Вестн. КузГТУ. 2011. № 3. С. 115–120.
- Илюшин А.М., Ковалевский С.А.* Комплекс древних поселений в долине реки Касьмы. Кемерово: Изд-во КузГТУ, 2012. 212 с.
- Илюшин А.М., Сулейменов М.Г., Бутьян В.А.* Результаты полевых разведок Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции в 2008 году // Вестн. КузГТУ. 2009. № 3. С. 165–179.
- Кызласов Л.Р.* История Тувы в средние века. М.: Изд-во МГУ, 1969. 211 с.
- Молодин В.И., Савинов Д.Г., Елагин В.С. и др.* Бараба в тюркское время. Новосибирск: Наука, 1988. 176 с.
- Плетнева Л.М.* Томское Приобье в начале II тыс. н.э. Томск: Изд-во ТГУ, 1997. 350 с.
- Савинов Д.Г.* Могильник Калтышино I: (Новые материалы по археологии начала II тыс. н.э.) // Памятники раннего средневековья Кузнецкой котловины. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1997. С. 77–99.
- Ширин Ю.В.* Орнаментация средневековой керамики Южного Кузбасса // Орнамент народов Западной Сибири. Томск: Изд-во ТГУ, 1992. С. 36–50.
- Ширин Ю.В.* Городище Городок и его окрестности в древности // Кузнецкая старина. Новокузнецк: Кузнецкая крепость, 2004. Вып. 6. С. 69–112.

ABOUT RESULTS OF RESEARCH OF THE DWELLING OF NOMADS OF THE DEVELOPED MIDDLE AGES OF KUZNETSK DEPRESSION

Information on results of field researches of Kuznetsk complex archaeological-ethnographic expedition of the dwelling 3 in an excavation No 5 on a complex of archaeological monuments of Toropovo-7 in the Kasminsky archaeological residential district in the territory of Kuznetsk Depression to Leninsk-Kuznetsk the region of the Kemerovo region is introduced into wide scientific circulation. Materials of this excavation are subjected to archaeological and zooarchaeological research. New information is urged to fill up a moneybox of archaeological sources on history and culture of the period of the developed Middle Ages of Kuznetsk Depression. The purpose of the present publication to describe results of excavation unique on a design and set of artifacts the dwelling and to analyse the archaeological and zooarchaeological materials revealed in it for definition of dating of object and a meat food allowance of his inhabitants. At research of the published materials descriptive, comparative and statistical methods of the analysis of material sources were used. The dug-out dwelling is characterized as the semi-dugout consisting of a land design and an earth ditch which could be used in the winter and function all the year round. By analogies to artifacts the studied dwelling was dated the period of the developed Middle Ages (the XI–XIV centuries AD) also it is referred to the shandinsky archaeological culture left by Turkic-speaking nomads of East Dasht-i-Kipchak in the territory of Kuznetsk Depression. On dwelling accessory to nomads results of the zooarchaeological analysis of osteological materials from economic holes 1 and 2 in the dwelling 3 among which testify the remains of horses (more than 80 %) prevail. On the basis of the received results of research the conclusion that the dwelling 3 in an excavation No 5 on a complex of archaeological monuments of Toropovo-7 structurally represents semi-earth premises about 34 m² is drawn, adapted for accommodation at the winter period of one family which was used in the XI–XIV centuries by carriers of Turkic nomadic cultural traditions at the heart of which daily food allowance there was a horse-flesh.

Key words: Kuznetsk Depression, monument, dwelling, artifacts, ceramics, figuration, zooarchaeological analysis of materials.

DOI: 10.20874/2071-0437-2016-32-1-055-065

REFERENCES

- Adamov A.A., 2000. *Novosibirskoe Priob'e v X–XIV vv.* [Novosibirskoye Piobye in the X–XIV centuries], Tomsk; Omsk: OGPU, 256 p.
- Arslanova F.Kh., 1963. Bobrovskii mogil'nik [Bobrovsky burial ground]. *Izvestiia AN Kazakhskoi SSR*, 4, Alma-Ata, pp. 68–84.
- Arslanova F.Kh., 1983. K voprosu o svyaziakh plemen Pavlodarskogo Priirtysh'ia s naseleniem Zapadnoi Sibiri (VII–XI vv.) [To a question of communications of tribes of the Pavlodar Priirtyshje with the population of Western Siberia (The VII–XI centuries)]. *Etnokul'turnye protsessy v Zapadnoi Sibiri*, Tomsk: Izd-vo TGU, pp. 105–107.
- Bobrov V.V., Vasiutin A.S., Onishchenko S.S., 2010. *Vaganovskii kurgannyi nekropol' IX v. n.e. v Prisalair'e* [Vaganovsky a kurganny necropolis of IX in AD in Prisalairye], Kemerovo: INT, 276 p.
- Vasiutin A.S., Vasiutin S.A., Onishchenko S.S., 2012. *Kaltyshinskii arkheologicheskii mikroraiion v kontse VIII — XI vv. n.e.: Priroda i kul'tura (stepnoe Prisalair'e)* [Kaltyshinsky the archaeological residential district at the end of the VIII–XI centuries AD: Nature and culture (steppe Prisalairye)], Kemerovo: OFSET, 213 p.
- Gromova V., 1949a. *Istoriia loshchadei (roda Equus) v Starom Svete*. Chast' 1: Obzor i opisaniye form. Tr. Paleontologicheskogo in-ta, t. XVII, 1 [Istoriya of horses (sort Equus) in the Old World. Part 1: Review and description of forms. Works of Paleontologic institute, t. XVII, 1], Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR, 374 p.
- Gromova V., 1949b. *Istoriia loshchadei (roda Equus) v Starom Svete*. Chast' 2: Evoliutsiia i klassifikatsiia roda. Tr. Paleontologicheskogo in-ta, t. XVII, 2 [Istoriya of horses (sort Equus) in the Old World. Part 2: Evolution and classification of a sort. Works of Paleontologic institute, vol. XVII, 2], Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR, 164 p.
- Gromova V.I., 1950a. *Opredelitel' mlekopitaiushchikh SSSR po kostiam skeleta*. 1: Opredelitel' po krupnym trubchatym kostiam. A. Tekst [Opredelitel' of mammals of the USSR on skeleton bones. 1: Determinant on large tubular bones. A. Text]. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR, 240 p.
- Gromova V.I., 1950b. *Opredelitel' mlekopitaiushchikh SSSR po kostiam skeleta*. 1: Opredelitel' po krupnym trubchatym kostiam. B. Al'bom risunkov [Opredelitel' of mammals of the USSR on skeleton bones. 1: Determinant on large tubular bones. B. Albom of drawings], Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR, 108 p.
- Gromova V., 1960. *Opredelitel' mlekopitaiushchikh SSSR po kostiam skeleta*. 2: Opredelitel' po krupnym kostiam zaplusny [Opredelitel' of mammals of the USSR on skeleton bones. 2: Determinant on large bones of a zaplusna], Moscow: Izd-vo AN SSSR, 118 p.

О результатах исследования жилища кочевников развитого средневековья Кузнецкой котловины

- Dobrovolskaia M.V., 2010. K metodike izuchenii materialov krematsii [To a technique of studying of materials of cremation]. *Kratkie soobshcheniia instituta arkheologii: Antropologicheskie issledovaniia*, 224, pp. 85–97.
- Iliushin A.M., 1997. *Kurgan-kladbishche v doline r. Kas'my kak istochnik po srednevekovoi istorii Kuznetskoi kotloviny* [Kurgan-kladbishche in the valley of river of Kasma as a source on medieval history of Kuznetsk Depression], Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 119 p.
- Iliushin A.M., 1999. *Naselenie Kuznetskoi kotloviny v period razvitogo srednevekov'ia: (Po materialam raskopok kurgannogo mogil'nika Toropovo-1)* [Naseleniye of Kuznetsk Depression in the period of the developed Middle Ages (on materials of excavation of a kurganny burial ground of Toropovo-1)], Kemerovo: Izd-vo KuzGTU, 208 p.
- Iliushin A.M., 2005. *Etnokul'turnaia istoriia Kuznetskoi kotloviny v epokhu srednevekov'ia* [Ethnocultural history of Kuznetsk Depression during a Middle Ages era], Kemerovo: Izd-vo KuzGTU, 240 p.
- Iliushin A.M., 2009. Issledovanie Kas'minskogo arkheologicheskogo mikroraiona v praktike Kuznetskoi kompleksnoi arkheologo-etnograficheskoi ekspeditsii [Research of the Kasminsky archaeological residential district in practice of Kuznetsk complex arkheologo-ethnographic expedition]. *Arkheologicheskie mikroraiony severnoi Evrazii: Materialy nauch. konf.*, Omsk: Apel'sin, pp. 50–54.
- Iliushin A.M., 2013a. Kas'minskii arkheologicheskii mikroraion i rezul'taty raskopok na Toropovo-7 [Kasminsky the archaeological residential district and results of excavation on Toropovo-7]. *Sokhranenie i izuchenie kul'turnogo naslediiia Altaiskogo kraia: Materialy XVIII i XIX region. nauch.-prakt. konf.*, Barnaul: AZBUKA, pp. 137–142.
- Iliushin A.M., 2013b. Semeinye sviatilishcha u vostochnykh kypchakov (po materialam issledovaniia Kuznetskoi kompleksnoi arkheologo-etnograficheskoi ekspeditsii v 2011 godu) [Family sanctuaries at east kypchak (on materials of researches of Kuznetsk complex arkheologo-ethnographic expedition in 2011)]. *Kazakhstan i Rossiia: Nauchnoe i kul'turnoe vzaimodeistvie i sotrudnichestvo*, Astana; Omsk: Enter Group, pp. 127–136.
- Iliushin A.M., 2014. Issledovanie semeinykh kul'tovykh ploshchadok vostochnykh kypchakov na Toropovo-7 v Kuznetskoi kotlovine [Research of family cult platforms of east kypchak on Toropovo-7 in Kuznetsk Depression]. *Polevye issledovaniia v Verkhnem Priob'e, Priirtysh'e i na Altae. 2013 g.: Arkheologiya, etnografiia, ustnaia istoriia*, 9: Materialy IX mezhdunar. nauch.-prakt. konf., Pavlodar: PGPI, pp. 64–69.
- Iliushin A.M., Borisov V.A., 2014. Srednevekovoe zhilishche na komplekse arkheologicheskikh pamiatnikov Toropovo-7 [The medieval dwelling on a complex of archaeological monuments of Toropovo-7]. *Sokhranenie i izuchenie kul'turnogo naslediiia Altaiskogo kraia*, XX, Barnaul: Izd-vo AltGU, pp. 100–105.
- Iliushin A.M., Borisov V.A., But'ian V.A., 2012. Issledovaniia Kuznetskoi kompleksnoi arkheologo-etnograficheskoi ekspeditsii v 2011 godu [Researches of Kuznetsk complex arkheologo-ethnographic expedition in 2011]. *Vestnik Kuzbasskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta*, no. 4, pp. 142–152.
- Iliushin A.M., Borisov V.A., But'ian V.A. 2014a. Polevye issledovaniia Kuznetskoi kompleksnoi arkheologo-etnograficheskoi ekspeditsii v 2012 godu [Field researches of Kuznetsk complex arkheologo-ethnographic expedition in 2012]. *Vestnik Kuzbasskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta*, no. 1, pp. 149–160.
- Iliushin A.M., Borisov V.A., But'ian V.A., 2014b. Polevye issledovaniia Kuznetskoi kompleksnoi arkheologo-etnograficheskoi ekspeditsii v 2013 godu [Field researches of Kuznetsk complex arkheologo-ethnographic expedition in 2013]. *Vestnik Kuzbasskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta*, no. 6, pp. 145–148.
- Iliushin A.M., But'ian V.A., 2010. Raskopki Kuznetskoi kompleksnoi arkheologo-etnograficheskoi ekspeditsii 2009 goda na kurgannoi gruppe Musokhranovo-1 [Excavation of Kuznetsk complex arkheologo-ethnographic expedition of 2009 on kurganny group Musokhranovo-1]. *Vestnik Kuzbasskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta*, no. 4, pp. 175–184.
- Iliushin A.M., But'ian V.A., 2011. Issledovaniia Kuznetskoi kompleksnoi arkheologo-etnograficheskoi ekspeditsii v 2010 godu [Researches of Kuznetsk complex arkheologo-ethnographic expedition in 2010]. *Vestnik Kuzbasskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta*, no. 3, pp. 115–120.
- Iliushin A.M., Kovalevskii S.A., 2012. *Kompleks drevnykh poselenii v doline reki Kas'my* [Kompleks of ancient settlements in the valley of the river of Kasma], Kemerovo: Izdatel'stvo KuzGTU, 212 p.
- Iliushin A.M., Suleimenov M.G., But'ian V.A., 2009. Rezul'taty polevykh razvedok Kuznetskoi kompleksnoi arkheologo-etnograficheskoi ekspeditsii v 2008 godu [Results of field investigations of Kuznetsk complex arkheologo-ethnographic expedition in 2008]. *Vestnik Kuzbasskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta*, no. 3, pp. 165–179.
- Kyzlasov L.R., 1969. *Istoriia Tuvy v srednie veka* [Istoriya of Tuva in the Middle Ages]. Moscow: Izdatel'stvo MGU, 211 p.
- Molodin V.I., Savinov D.G., Elagin V.S. i dr., 1988. *Baraba v tiurkskoe vremia* [Barab in Turkic time], Novosibirsk: Nauka, 176 p.
- Pletneva L.M., 1997. *Tomskoe Priob'e v nachale II tys. n.e.* [Tomskoye Priobye at the beginning of II thousand A.D.], Tomsk: Izdatel'stvo TGU, 350 p.
- Savinov D.G., 1997. Mogil'nik Kaltyshtino I (novye materialy po arkheologii nachala II tys. n.e.) [Mogilnik Kaltyshtino I (new materials on archeology of the beginning of II mil. A.D.)]. *Pamiatniki rannego srednevekov'ia Kuznetskoi kotloviny*, Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, pp. 77–99.
- Shirin Iu.V., 1992. Ornamentatsiia srednevekovoi keramiki luzhnogo Kuzbassa [Ornamentation's width of medieval ceramics of Youzhny of Kuzbass]. *Ornament narodov Zapadnoi Sibiri*, Tomsk: Izd-vo TGU, pp. 36–50.
- Shirin Iu.V., 2004. Gorodishche Gorodok i ego okrestnosti v drevnosti [Gorodishche's width Town and its vicinities in the ancient time]. *Kuznetskaia starina*, 6, Novokuznetsk: Kuznetskaia krepost, pp. 69–112.
- Zelenevskii N.V., Zelenevskii K.N., 2014. *Anatomiia zhivotnykh* [Anatomiya of animals]. St. Petersburg: Lan', 848 p.
- Zelenevskii N.V., Sokolov B.I., 2001. *Klinicheskaiia anatomiia loshadi* [Klinicheskaya anatomy of a horse], St. Petersburg: GIORD, 408 p.